

СМЕРШ —
спецназ Сталина

ПРИЗРАК СО СВАСТИКОЙ

Александр Тамоников

СМЕРШ – спецназ Сталина

Александр Тамоников
Призрак со свастикой

«ЭКСМО»

2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос-Рус)6-44

Тамоников А. А.

Призрак со свастикой / А. А. Тамоников — «Эксмо»,
2017 — (СМЕРШ – спецназ Сталина)

Отступая под натиском советских войск, фашисты вагонами вывозят с оккупированных территорий награбленное добро. Один из таких составов, отправленный из Нижней Силезии, бесследно исчез где-то по дороге. Об этом стало известно советской контрразведке. Разыскать пропавшее золото поручено группе капитана СМЕРШ Павла Вереста. В ходе расследования выясняется, что состав ушел без охраны, нападению и бомбежке в пути не подвергался. Есть надежда, что груз цел. Верест отправляется по следу «золотого» эшелона и случайно находит старую боковую колею, ведущую в горы. То, что случилось дальше, опытный офицер, прошедший войну, не мог представить себе даже в страшном сне...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос-Рус)6-44

© Тамоников А. А., 2017
© Эксмо, 2017

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	22
Глава третья	29
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Александр Тамоников

Призрак со свастикой

© Тамоников А., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2017

* * *

Глава первая

Ранение было пуляковым. Пуля прошла навывлет через мышцу левого плеча, не задев кость. Досадно, войне конец, а ты тут лежи, копти небо. На календаре 18 мая 45-го года, десятый день мирной жизни. Военно-полевой госпиталь располагался за северными предместьями Праги, вблизи опрятной деревушки с ласковым названием Неженка. Сюда свозили всех подряд – гражданских, офицеров, рядовой состав. Это было одноэтажное здание барачного типа с подсобными постройками. Вокруг росли липы, декоративная калина. За окном палаты – зевающие красноармейцы гвардейского корпуса, несущие службу по охране госпиталя, полуторка с красным крестом, пятнистый «ГАЗ-М1» главврача Тетерина. Пустая беседка, из которой медсестры и санитарки гоняют курильщиков. Павел третий день изнемогал от безделья, украдкой курил в открытое окно, прислушивался к разговорам товарищей по несчастью. Рука работала, пусть с болью, со слезами, но работала. Опасности ранение не представляло, операция – не бей лежащего, но пуля оказалась какой-то зловредной – порвала ткани, и первые два дня он не мог найти себе места. Анальгетики лишь временно снимали мучения. А потом вдруг полегчало, болезненные ощущения притупились. Возникла мысль: что он тут делает? К товарищам, в группу! Эти неумехи дров же наломают без него! Три дня назад он выловил в больничном переходе измотанного главврача Тетерина – подслеповатого худощавого майора с моргающими глазами – и потребовал немедленной выписки.

– Товарищ больной, вы собираетесь, что говорите? – воскликнул Тетерин. – Какая выписка?! Как минимум неделю на нашей койке, ничем другим порадовать не могу. Рана должна зажить. Мы не имеем права выписывать людей до полного излечения.

– Поймите, доктор, – упорствовал Павел, – мне надо в часть, меня там ждут, я не могу без дела отлеживаться в вашем «санатории»!

– Неужели, больной? – язвительно оскалился главврач. – Вы не в курсе, что война уже закончилась? Я не имею права вас выписывать, если вы снова собираетесь в строй! Вот если на «гражданку» – тогда другое дело. И вообще, хватит митинговать! – отрезал доктор. – Идите на место, скоро придет медсестра Ларочка и сделает вам укол.

Не хотел он медсестру Ларочку. Она была нескладной, некрасивой и обладала нулевым обаянием. Другое дело, медсестра Танечка – большеглазая, миловидная, с длинными волнистыми волосами. Но последняя редко заходила в палату к пациентам «средней тяжести», работала с «тяжелыми» и на подтянутого капитана даже не смотрела. Он продолжал возмущаться, распаяясь все больше:

– Да вы знаете, кто я такой? Капитан Верест Павел Сергеевич, сотрудник Главного Управления контрразведки Наркомата обороны, руководитель специальной группы отдела Смерш Ударной армии! Я требую немедленной выписки, иначе покину это заведение самовольно!

Доктор немного побледнел, но позиции не сдавал.

– Знаете, милейший, – устало вздохнул он, – мне глубоко безразлично, кто вы такой – Смерш, НКГБ, генерал армии, хоть генералиссимус Суворов. Пока вы находитесь на лечении, вы – никто, зарубите на носу. Здесь я командую. А вы извольте подчиняться. Всего хорошего, больной!

Павел продолжал ворчать под нос, возвращаясь в койку. Совсем страх потеряли – в грош не ставят контрразведку. Как назло, разболелась рука. Он лежал, свернувшись под одеялом, пыхтел от злости, как паровоз на холостом ходу. Нескладная медсестра гремела инструментом, делала кому-то перевязку. Ее постное личико только раздражало. С улицы неслись гневные выкрики Вероники Аскольдовны – капитана медицинской службы, обладающей несносным характером:

– Когда же это кончится, граждане больные? Снова в беседке накурено и матом наругано! Вам невдомек, что курение убивает – пусть медленно, но неотвратимо? Не приходит в голову, что среди больных есть некурящие и им не очень нравится дышать вашими выделениями?!

Павел усмехался под одеялом. Некурящих в победоносной Красной армии практически не осталось. Курили самосад, махорку, редкие отечественные папиросы, вонючий немецкий табак с переизбытком отравляющих смол – гарантированное средство от старости. Курила сама Вероника Аскольдовна, фамилии которой никто не знал. Всякий раз, ампутировав кому-то руку или ногу, она сидела в своей каморке, кашляла в зловонном дыму и прикладывалась к флакону с медицинским спиртом.

Рука ныла, как последняя сволочь. Боль вытягивала душу. Иногда она отступала, давала передышку, потом опять переходила в наступление. Вдобавок рука на перевязи не держалась – постоянно выпутывалась.

В госпитале гвардейского корпуса, дислоцированного к северу от Праги, было сравнительно тихо. Пациенты не отличались буйным нравом. На другом конце барака кто-то стоял, просил пить. Там сновали люди в белом (отнюдь не ангелы), кого-то вытаскивали на носилках. Соседи, ефрейтор Бульба и рядовой Кондратьев, украдкой резались в карты. Оба поступили неделю назад с осколочными ранениями мягких тканей. Пострадали от одной гранаты – зачищали в составе роты поселок на краю Праги, какой-то «непримиримый» юнец и бросил со второго этажа смертоносный сюрприз. Вместо того чтобы упасть, оба рванули, как ошпаренные. А потом «добрые доктора», украдкой посмеиваясь, извлекали из задних мест небольшие, но острые осколки. Они постоянно ругались, очевидно, водили доброе знакомство еще до госпиталя. «Какого черта ты рванул от этой гранаты? – шипел Кондратьев на Бульбу. – Тьма ты необученная, падать надо было, осколки бы поверху и разлетелись». – «А что ж ты не падав, раз такой розумний? – отбивался от товарища Бульба. – Міг би не бігти за мною». – «Так ты меня с толку сбил, – объяснял Кондратьев. – Ты побежал – и я побежал. А теперь стыдоба будет перед парнями, когда в роту вернемся. Хоть не приходи – опарафинят по полной программе!»

Над ними даже здесь посмеивались: мол, уберегли товарищей своими задницами. Пострадавшие крысились на обидчиков, не забывая и меж собой выяснять отношения. Сейчас опять грызлись – не поделили последнюю сигарету. «Петро, оставишь покурить? – упрямивал Кондратьев. – Ну, будь человеком, мы же с тобой в одном окопе выросли. Отдам завтра – мамой клянусь! Скотина же ты, Петро! Ну, ладно, придет война, попросишь каску...» – «Ага, я сьогодні сволочь», – злорадно скалился Бульба.

Впрочем, после обеда он подобрел. Кормили в госпитале на убой, съел две порции борща и, держась за живот, стал стонать, что теперь понимает значение слова «переборщить». Оба, хватаясь за спинки кроватей, уволоклись на свежий воздух. Отсутствовали долго, а когда вернулись, как-то воровато озирались, обменивались заговорщицкими взглядами. Кондратьев поддерживал под исподним что-то выпуклое. И где, спрашивается, достали? Они лежали на кроватях, перешептывались, и Павел прекрасно все слышал.

– Слышь, Петро, мы же охрением от этого литра, – бурчал Кондратьев. – Пойло «паленое», дурить будем. Нам третий нужен, понимаешь, дубина хохляцкая? Давай предложим парню, ну, который рядом дрыхнет? Посидим втроем – культурно, за жизнь пощечем.

– Та ну його! – испуганно шептал Бульба. – Самі подужасмо, чого тут пити? Цей хлопець ніби офіцер, а Ларка навіть казала, що з самого Смершу... Не буде лихо, Серьoga, подалі від них треба триматися, як би не вийшло чого...

– Да не бойся ты, чего жадничаешь? Не съест тебя этот офицерик... Эй, приятель! – Кондратьев потянулся, осторожно коснулся плеча. – Ты спишь, или как?

– Ага, сплю, – повернувшись, открыл глаза Павел.

– С пробуждением, товарищ, – дружелюбно подмигнул ему Кондратьев. – Слушай, у нас тут литр чешской горилки образовался, у мужика, что воду возит, обменяли на кое-что... Ты как, товарищ? Не откажешься от завтрашнего легкого похмелья?

– Не откажусь, – подумав, согласился Павел. – Но вынужден предупредить, товарищи красноармейцы, – похмелье будет трудным и зловредным. Не имеют чехи должных навыков в изготовлении самогона. Ваше пойло суровее денатурата.

– Но мы ведь не пасуем перед трудностями? – хмыкнул Кондратьев.

– Да, мы привыкли преодолевать трудности, – согласился Верест. – Встречаемся после отбоя, товарищи бойцы. А пока займитесь бытовой стороной вопроса: посуда, закуска, прикрытие...

Он упорно пытался уснуть. Кондратьев из Пензы и Бульба из Запорожья тоже вскоре утомонились. В отсеке стало тихо. За пределами палаты снова кто-то стонал, звал на помощь. Ругались санитары – тоже не образцы трезвости. Доносилась отдаленная канонада, а может, это слуховая галлюцинация? Бои ведь закончились. 8 мая пал Берлин, 12-го – Прага. Случались локальные стычки, периодически на запад прорывались «бродячие» немецкие колонны. Отдельным это удавалось, других уничтожали артиллерийским и пулеметным огнем. Пленение западными союзниками военнослужащих вермахта (а тем более ваффен СС) ценилось больше, чем пленение частями Красной армии. Последнюю они боялись как огня. Госпиталь находился в тылу дивизии, в стороне от основных дорог, и с двух сторон подпирался лесом.

Сон как отрезало – ноющая боль в конечности не давала уснуть. Второе ранение за войну – под Днепром в 44-м досталось крепко, когда маленькая группа оперативников, шныряющая по черничному бору, вступила в перестрелку с немецкими парашютистами. Выжили все, даже уничтожили четверых, но всем составом надолго переселились в лазарет. Хорошо поддавший хирург с «золотыми» руками резал вдоль и поперек, извлекая из бока минный осколок, цокал языком: ого, счастличик, везет же некоторым! Еще немного – и печень бравого офицера превратилась бы в ливерную начинку! Текущее ранение, по сравнению с тем, было просто отпуском. Но как бесило! Дожить до дня победы и загреметь на больничную койку! Незадолго до ужина он, приняв неустойчивую вертикаль, выбрался на улицу. Погулял под зеленеющими деревьями, привел в порядок мысли. Побег из госпиталя представлялся сложным мероприятием. Собственное обмундирование – в запертой каптерке у старшины Сидоренко. Документы – у главврача. Чтобы все это вернуть, нужно быть удачливым вором, либо безжалостным убийцей. Да и где сейчас его часть? Блуждать по южной Германии и северной Чехии, чтобы угодить к своим коллегам, которые немедленно отправят его в лагерь для проверки? А что такое фильтрационный лагерь, он знал как никто другой...

Павел курил, стоя на углу. Санитары-астеники выносили тело, укрытое с головой. Спустилась медсестра Татьяна, грустно смотрела, как покойника грузят в крытый прицеп к «полуторке». Он подошел поближе, забыв про зажженную сигарету. Симпатичная девушка вышла из оцепенения, растерянно уставилась на офицера в больничной пижаме. Перевела взгляд на дымящуюся сигарету.

– Я знаю, Танюша, – вздохнул Павел, – это курение меня когда-нибудь убьет. Но смерть произойдет нескоро. От чего он? – кивнул он на отъезжающую машину. По договоренности с местными властями, под кладбище отвели участок леса в двух минутах езды от госпиталя. Везти тела на родину было нереально, хоронили здесь же, в далекой Чехословакии, о существовании которой многие погибшие в недалеком прошлом даже не подозревали.

– Курите, что с вас взять! – передернула плечами девушка и вяло улыбнулась: – Если вам так легче – какая польза от этих запретов? Капитан Максимов, командир роты связи... – пробормотала она, провожая глазами уходящий «катафалк». – Тянули провода с солдатами, попали в засаду, были обстреляны из минометов... Несколько человек выжили, вызвали помощь. У капитана вся левая половина была в месиво. Его не сразу нашли, видно, пришел

в себя, полз, оказался в болоте, обнаружили чисто случайно... Раны уже загноились. Вероника Аскольдовна ему руку ампутировала, левую ногу ниже колена, сразу сказала, что не жилец. Такое сильное заражение – сепсис перешел в гангрену, мы не могли ничего сделать... Он перед смертью говорил, что планировал еще пожить...

– Для капитана Максимова уже началась вечность... – как-то невпопад буркнул Павел. – Давайте посидим, Танюша? Вы замужем?

– Ну, иногда... – Она поколебалась, глянула на часы, смерила его каким-то стеснительным взглядом.

Они сидели на лавочке в глубине больничного сада, болтали о какой-то чепухе.

– Правду ли люди говорят, что вы служите в Смерше? На вид не похож, такое открытое, доброе лицо... – спросила Таня.

– Что вы, Танюша, это ведь не трехглавый Горыныч, всего лишь контрразведка армейского уровня, поиск и уничтожение диверсантов, беглых главарей Третьего рейха. Вы же не спорите, что и тех, и других надо ловить? Первых уничтожать, вторых – задерживать для дальнейшей передачи суровому, но справедливому суду. А вообще, я – человек сугубо штатский, до войны учился на инженера. Вот закончится война, расформируют армию, думаете, пропаду? Да кем угодно – хоть слесарем пятого разряда, хоть руководителем крупного металлургического предприятия...

Девушка смеялась, смотрела на него с интересом, как-то непроизвольно придвинулась ближе. Потом спохватилась, глянула на часы и, сделав большие глаза, воскликнула:

– Господи, Павел, вы мне все уши заболтали! Это вам хорошо, а мне работать...

– Давайте встретимся позднее, после ужина, – «схватил быка за рога» Павел. – Посидим на этой лавочке, посмотрим на звезды, я расскажу вам про картины Дюрера и Ганса Гольбейна, которые видел собственными глазами. А если будет холодно, мы можем посидеть вон там... – Он покосился на открытую дверь подсобки, где хранился хозяйственный инвентарь. «Займемся какими-нибудь милыми глупостями», – уже срывалось с языка, но не сорвалось.

– Какой вы быстрый... – Татьяна облизнула пересохшие губы, очень привлекательно сдула со лба непослушный завиток. Потом засмеялась: – Хорошо, Павел, приходите в девять вечера, я постараюсь освободиться и подумаю, стоит ли сюда приходиться...

Она убежала, одарив его улыбкой. А он сидел в оцепенении, потом еще покурил.

После ужина, когда стемнело, вернулся на то же место, ждал, таращась на звезды. Госпиталь шумел, за углом надрывался двигатель. Кого-то привезли, и возникало горькое опасение, что Танюша сегодня не вырвется. Но она прибежала с опозданием на двадцать минут, села рядом.

– Простите, Павел, не могла раньше, там раненых привезли... Это местные, двое мужчин, католические священники, говорят, что участвовали в Сопротивлении... Наш дозор услышал взрывы, а когда прибыл на место, нашли машину, она лежала вверх ногами... тьфу, колесами... – Танюша нервно засмеялась. – Оба переломаны, головы разбиты, жалуются, что везли церковную кассу – там было много драгоценностей, – а кто-то напал, отобрал...

– Неисповедимы пути Господни, – развел руками Павел. – Даже у церковников всякое случается, не все уважают Господа. Хорошо, сами живые остались...

– Выживут, – вздохнула Танюша. – Тетерин возмущался: зачем привезли сюда гражданских, своих лечить нечем, но все же принял их. Куда еще везти этих падре? Пока до Праги доедут, последние кости переломают...

Он слегка приобнял ее и ласково попросил:

– Расскажи о себе, Танюша. Я же ничего о тебе не знаю...

И совершил непростительную ошибку! Она обрушила на него словесный поток, который невозможно было остановить! Бормотала, заикалась, впивалась ногтями ему в руку.

Город Ростов, который на Дону, там она родилась, провела детство. Деда по чудовищной ошибке расстреляли в 30-м – объявили кулаком! Две коровы, десяток гусей – какое зажиточное крестьянское хозяйство! В колхоз не хотел идти, но колхоз ведь дело добровольное, разве нет? Бабушка умерла через год, пошла на речку и утопилась, не снеся позора и одиночества. Отца арестовали в 37-м – был директором крупного завода сельскохозяйственной техники. Обвинения звучали невнятно, но домой он не вернулся – враг народа, 58-я, 20 лет без права переписки. За что? Он всегда был убежденным сторонником Советской власти. Снова ошибка? Об отце ни слуху ни духу, мать с дочерью обивали пороги НКВД, хорошо, хоть самих не арестовали. Мать заболела, умерла в сороковом. Танюше пришлось оставить роскошную квартиру в центре Ростова, съехать в крохотную халупу на окраине. Осталась тетушка – последняя родная душа. Та постоянно повторяла в сердцах: «Эх, страна-то родная, а живем как бедные родственники!» Татьяна оставила учебу в институте культуры, поступила в медучилище. В начале 41-го перевели в Киев, районная больница, brave офицер Красной армии, которому вырезали аппендицит, знойный роман, замужество, беременность... Потом война, будь она проклята. Муж уехал на фронт, сражался в войсках генерала Павлова, которого впоследствии расстреляли за бездарное командование, выходил из окружения, получил ранение. Снова встретились, расстались. Известие о смерти тетушки, о сгоревшей квартире, в результате был выкидыш – от последствий Танюша чуть не умерла. Оккупация Киева, оккупация Ростова. Судьба носила по фронтам. Любила мужа безумно, и того судьба хранила. Пару раз встречались «на минуточку» – и снова в путь, по фронтовым дорогам. Опять беременность в начале 45-го – и вновь жуткий выкидыш. Господь хранил ее избранника до апреля 45-го, потом отвернулся. Зееловские высоты, на которые маршал Жуков, чтобы сохранить танковые армии, послал пехоту – и гибли там тысячами, десятками тысяч, мостили склоны высот своими телами. Там и погиб капитан, дослужившийся до майора, но так и не узнавший об этом... Танюше сообщили лишь в начале мая, когда война почти закончилась, и голова была забита планами на дальнейшую семейную жизнь... Но она сильная, она справилась, старается не выдавать своего горя, помогает раненым, как может. Пусть Павел простит, что ее сегодня так развезло...

Он гладил ее по спине, молчал, с сожалением прощался со своими планами. Не последняя же сволочь – тащить девчонку в сарай в таком состоянии. Она закрыла лицо ладошками, дрожала, просила его чем-нибудь помочь. Чем помочь? Посидеть рядом и тоже поплакать? Нет, его не сломит чужое горе. Своего хватает. Это не волшебный мир детских сказок. Сколько подобных историй он повидал и выслушал!

Танюша выдохлась, замкнулась. Он поднял ее, отвел в барак, тонко намекнув, что им ничто не мешает встретиться завтра. А время вылечит, не может не вылечить (если не сдохнешь во время лечения).

– Спасибо, Павел... – пробормотала медсестра, шмыгая носом. – Не знаю, что на меня нашло, простите, ради бога... Я очень плохо себя чувствую, мы завтра посидим с вами под луной, хорошо? И вы расскажете о себе...

Чтобы и его пробило так же? Нет, спасибо. Он вернулся в кровать мрачнее тучи. По лазарету сыграли отбой, удалились санитарки и медсестры. Зашевелились соседи, забренчали стаканами. «За победу, товарищ капитан! – провозгласил Кондратьев первый тост. – Мы тут хлебушка добыли, немного сыра – не пропадем».

Он выдержал три тоста – последующий за живых, потом за мертвых (количество первых было скромным, последних – зашкаливало). Бульба посетовал: мужиков в стране почти не осталось, а нужно ведь хозяйство поднимать, армию сохранить. Бабы нами будут командовать? Самогон был отвратительный – такое чувство, что его гнали из прогнивших портянок. Павел извинился перед честной компанией, посоветовал не налегать на это дело, дабы

не умереть с похмелья, и лег, завернувшись в одеяло и стараясь заснуть. Картины прошлого вставали перед глазами. Он их старательно перебирал – лишь бы не думать о худшем.

Начало мая, солнышко, капитуляция берлинского гарнизона! Утомленные войной солдаты разбредались по захваченному Берлину. Похоронные команды сбивались с ног. Потери потрясали воображение – только мирных берлинцев погибло больше ста тысяч, не говоря уж про военных с обеих сторон. Были случаи мародерства, насилия над мирными немцами, но, будучи очевидцем тех событий, Павел не сказал бы, что они носили массовый характер. Особо немцам не мстили – отходчива русская душа. Оперативники Смерша рылись в бункере Гитлера, рыскали по Берлину в поисках беглых генералов. Разорвался старый знакомый майор Зыбин: «Что тут осталось от вашего Геббельса? На чем прикажете везти в штаб эти обгорелые останки? Единственная «Эмка» на всю группу! Как живые после этого сядут?» Товарищи смеялись: «Он такой же наш, как и ваш. Вези, на чем хочешь, лишь бы не потряс по дороге бранные косточки одиозного министра пропаганды». Отыскали полуторку, договорились с бойцами. Порой на Смерш возлагались совсем уж нехарактерные функции. 8 мая собрали оперативников, усилили взводом автоматчиков. Приказ: охранять крупного чина гитлеровской Германии, как родную маму! Не дай боже, с ним что-то случится, закрывать в случае опасности своей грудью, и никаких гвоздей! Приказ впитали, но удивление осталось. Часть правительственного квартала оцепили так, что мышь не проскочит. Бронированные автомобили, усиленный конвой. Оперативники недоуменно переглядывались. Штабные офицеры вывели из подвала высокопоставленных немецких военных, среди которых выделялся бледный мужчина лет шестидесяти – прямой, как штык, с потухшим взором, при полном марафете, опрятный, отглаженный. Всю компанию погрузили в броневик. Его сопровождали автоматчики, «Эмки» с оперативниками. Кортёж петлял среди разрушенных зданий. Автоматчики держали на прицеле развалины – те в любую минуту могли ошестиниться огнем. Несколько раз там что-то мелькало, солдаты шпиговали руины свинцом. Конечным пунктом стал южный берлинский район Карлсхорст, бывшая столовая военномеханического училища. Доставленных господ под прикрытием автоматчиков ввели внутрь. Прибывали еще какие-то «гости», советские военачальники в невзрачных плащ-палатках. Все окрестные здания находились под контролем бойцов РККА. Присутствовали английские, американские военные, доносилась красивая французская речь.

Спустя какое-то время – уже давно стемнело – компания покинула здание. Сухопарый господин держался неплохо, но был еще бледнее. Его везли обратно, но уже не так тряслись о сохранности. Позднее руководство довело до сведения: они стали очевидцами исторического момента! Подписание окончательного акта о безоговорочной капитуляции Германии! С немецкой стороны документ подписал начальник Верховного главнокомандования вермахта генерал-фельдмаршал Кейтель (плюс представители люфтваффе, кригсмарине). С советской – маршал Жуков. От Америки – маршал Теддер, от Англии и Франции – какие-то незначительные лица. Вроде Эйзенхауэр собирался прибыть, но Черчилль отговорил: подписали уже, стоит ли умалять реймский акт, возвеличивая берлинский? Русским и этого хватит, чтобы не зазнались. Но разве будут люди помнить через десятилетия какой-то акт в Реймсе? А вот берлинский – будут! Знают люди, кто на самом деле сломал хребет фашистам, кто сделал львиную работу по уничтожению нацизма! Пусть союзники и неплохие парни, но что они толком сделали, вступив в войну всего год назад? Даже Кейтель во время подписания не скрывал раздражения при виде французского представителя. Нашел в себе силы пошутить: «Не может быть! Мы еще и Франции войну проиграли?»

Перед наступлением на Берлин Смерш получил указание: сформировать оперативные группы для розыска и ареста главарей рейха. Сотрудники контрразведки имели доступ к любой информации, им переправлялись все сводки. 11 мая группу капитана Вереста перебросили в Чехословакию – не такой уж дальний свет от Берлина. За ночь добрались на аме-

риканском «Виллисе» в распоряжение танкового корпуса. Наутро радиограмма: согласно донесению некоего господина Кучинского, проходившего службу в так называемой «Русской освободительной армии», в город Пльзень (американская зона оккупации), в штаб 3-й армии США направляется колонна автомобилей. Срочно ее перехватить, всех арестовать и доставить в штаб 1-го Украинского фронта! Задание выполнили совместно с военнослужащими танкового корпуса. Смерш по ходу акции не «светился», но активное участие принимал. Колонну блокировали, окружили автоматчиками. Стрельбы практически не было. Из легковушки извлекли долговязого типа в военном френче без знаков различия. Эта бледная жердина была выше двух метров! Он цеплялся, не хотел идти. А когда вышел, с трудом сохранял самообладание. Кто-то не удержался, съездил по роже. Долговязый возмутился: «Какое вы имеете право, я – командующий «Русской освободительной армией», руководитель Комитета освобождения народов России и требую уважительного отношения!» Сдерживая ярость, капитан Алексей Звягин – член опергруппы Вереста – издевательски расшаркался перед задержанным, распахнул дверцу: «Присаживайтесь, Андрей Андреевич, как мы рады вас видеть! Да живее, сука продажная!» Добычу увезли в лихорадочной спешке, чтобы не связываться с союзниками. Изменник Родины генерал Власов имел договоренность о встрече со штабистами 3-й армии – собирался вести переговоры о предоставлении политического убежища своим сподвижникам. В штабе 1-го Украинского фронта «освободителя народов России от ига большевизма» встретили как родного, чуть ковровую дорожку не растелили. О феномене Власова Павел часто размышлял, не делясь с товарищами своими умозаключениями. Как получилось, что генерал Власов предал Родину? Видный, удачливый, обласканный фортуной и лично товарищем Сталиным, неплохо воевал летом 41-го. В сражении под Москвой проявил себя с наилучшей стороны, его войска стояли насмерть, не дали немцам пройти. Получил неформальный титул «спасителя Москвы», Главное политуправление заказало книгу о нем – хорошо, что не написали. Потом назначение на Волховский фронт, командармом застрявшей в болотах 2-й ударной армии, где он реально не мог исправить ситуацию. Армия гибла, дробилась, отдельные части с боями выходили из окружения. Что случилось с неплохим военачальником, когда он загремел в лапы полицаям с последующей передачей немцам? Что сломалось в голове? Мог бы с презрением встретить смерть, как это сделал Карбышев. Вроде не трус. Но предложил свои услуги немцам, и те не отказались. Конечно же, занятная штука – целая армия бывших советских солдат, воюющая на стороне «тысячелетнего рейха»...

А 13 мая – новое задание: группе Вереста в сопровождении отделения солдат (больше не дали) срочно выдвинуться в старинное поместье Лорвиц. 80 километров к северу от Праги, восточнее Теплице, фактически саксонская территория. Заповедник, девственные леса, обширное угодье с родовым замком постройки XVI века. Владения некоего барона фон Лихтенберга, давно почившего, но имеется сын, служивший в СС – тоже барон, и тоже Лихтенберг. Зовут Георг. Советские войска, наступавшие на Прагу, данную территорию не осваивали, все дороги шли в обход заповедной зоны. Да и некогда им было – Прага звала. Вокруг замка что-то происходит. Отмечена активность солдат вермахта, видели людей с символикой СС, небольшую колонну грузовиков, входящую на территорию замка. Срочно пресечь эту активность, арестовать Георга фон Лихтенберга, активно сотрудничавшего с администрацией концлагеря Дахау! Усиленная группа на «Виллисе» и американском «Студебеккере» устремилась на границу с Саксонией.

То, что немцы бегут на запад, было не в диковинку. То, что вывозят ценности, тоже не удивляло. На местах оставалась агентура, мелкие диверсионные группы из числа фанатиков (нередко даже смертников). Все это требовалось уничтожить (если не сдаются), а материальные ценности изымать и отправлять под охраной, куда положено. Группа угодила в какую-то «мертвую» зону – величавая природа, холмы, заросшие лесом, дубравы, звонкие

ручьи. За спиной осталась приграничная чешская деревушка, а дальше – ничего, напоминающего цивилизацию. Лишь перехлесты грунтовых дорог, не уступающих по качеству советским асфальтированным. Карты у Смерша были точные, но все равно поплутали. Поместье располагалось в одном из отрогов Судет, его окружали живописные скалы. Отделение автоматчиков лейтенанта Щербины получило приказ замаскировать машину и сидеть в лесу у дороги. Оперативники полезли в гору, с которой открывался завораживающий вид. Поместье находилось в узкой седловине между холмами. Старый каменный замок, окруженный крепостной стеной и остатками древнего рва. Две стрельчатые башни устремлялись к небу. Каменные стены заросли мхом и сорняками. Но некая активность там действительно наблюдалась. Просматривалась лишь часть внутреннего двора. Сновали размытые фигуры, виднелся откинутый борт грузовика. Ветер приносил отрывистые выкрики. Боев в этом замке не было, но бомбардировке древние стены подверглись (видимо, союзники постарались): часть стены разрушена, отсутствовали ворота. Проезду внутрь препятствовало лишь переносное ограждение. К замку вела петляющая дорога. Вставать в полный рост Верест запретил – один часовой сидел в дозорной башне, другой расположился между зубцами стены – поблескивал стальной шлем, очерчивались отверстия в стволе «MG-42», призванные охлаждать самый популярный в вермахте пулемет.

– Попались, черти... – пробормотал мрачноватый, стриженный почти наголо старший лейтенант Дмитрий Котов. – Грузят, кажется, что-то... Надо штурмовать, товарищ капитан. Ворот нет, проедем как по маслу...

– Котов, у нас не армия во внутреннем кармане, – поморщился капитан Звягин, ладно сбитый, с обманчиво добродушной физиономией. – Часовых видишь? Подъехать не успеем, как своих предупредят или сами посекут нас из своих «косторезов»... Засаду на дороге надо делать, подождать, когда поедут из замка, колеса перебить, гранатами закидать...

– Сам же говоришь, что у нас не армия, – фыркнул молодой, но не в меру смысленный лейтенант Окулинич. – Шибанут из всех стволов, лишь зазря ребят положим. Да и нельзя их гранатами, вдруг что-то ценное повезут. Нужно незаметно подкрасться к замку, товарищ капитан, чтобы часовые не просекли. Под стенами укрыться, с тыла подойти. А как соберем в кулак все, что есть, стремительно ударить...

– Все высказались? – усмехнулся Верест. – А теперь помолчите, дайте подумать.

Недаром подмечено: умный командир – не тот, который умный, а который умными людьми себя окружает. Любой из предложенных вариантов таил в себе массу опасностей. Будь он маршалом, с его безбрежными людскими резервами, без раздумий двинул бы на штурм. Положил бы сотню солдат под стенами старого замка, но дело бы сделал. Обладая он уймой времени – реализовал бы предложения Звягина и Окулинича. Четвертого варианта не дано, а предложенные три решительно не нравились.

– Рома, дуй к Щербине! – распорядился Павел. – Саперные лопатки у бойцов есть, пусть выроют яму на проезжей части и замаскируют. Да выберут такое место, чтобы не могли объехать застрявшую машину, мы же не знаем, сколько у них грузовиков. Гранаты не использовать, расстреливать конвой... Да пулей чтобы работали, пока не начался исход...

Роман, посмеиваясь (чей план-то реализуется?), уже отползал, когда зашуршала трава у оперативников под ногами, и образовался возбужденный лейтенант Щербина, «зеленый» безусый мальчишка, недавний выпускник ускоренных офицерских курсов.

– Товарищ капитан... – прошипел он, подползая ближе. – Тут такое дело, такое дело...

– Воздушная тревога? – пошутил Павел.

– Да какая, к лишайм, тревога... Слушайте, там дорога серпантинном вьется, а по ней мотоцикл едет... Отсюда пока не видно, но скоро появится. В замок едет, тут одна дорога... Один мотоциклист и офицер в люльке, фуражкой красуется...

– Все на дорогу!.. – ахнул Павел, скатываясь с косогора.

Они промчались ураганом отрезок леса, выбежали к лесной дороге. Краем глаза отметил замаскированный «Студебеккер», разбросанные за кочками человеческие головы – гвардии рядовых и ефрейторов. На обочине росли редкие кусты, ворохи можжевельника, а за дубами, уже распутившими листву, надрывался мотоциклетный мотор. Павел, пригибаясь, подбежал к изгибу дороги, подобрал увесистую корягу, распластался за пригорком, усыпанным прошлогодней листвой.

Показался мотоцикл – уверенный даже на российских дорогах «БМВ R-75». Вел его внушительный «пилот» – щекастый, в шлеме, прорезиненном плаще, с автоматом «МР-40» на груди, а в люльке, помимо пулемета «МГ-42», прозванного «косторезом», сидел надутый офицер. Текущий день у него явно не сложился. Он еще не представлял, до какой степени не сложился! Мотоциклист притормозил, входя в поворот. Павел швырнул корягу, как гранату, по навесной траектории. Она перевернулась в воздухе, ударила мотоциклиста по каске. Тот от неожиданности вскрикнул, вывернул руль. Сам, правда, удержался в седле, но мотоцикл сменил направление, съехал с дороги и чуть не врезался в придорожное дерево. Громила снова дернул руль – мотоцикл уткнулся передним колесом в яму, офицер вылетел из люльки, проделав впечатляющий кульбит, распластался в траве. Оперативники уже летели, особого приглашения не требовалось. Громила же, удержавшись на ногах, развернулся в прыжке, оскалив пасть, и выставил автомат. Но не успел разразиться очередью – Котов швырнул свой «зэковский» нож с наборной ручкой, которым владел в совершенстве. Лезвие пробило грудную клетку, поразило сердце. Громила выпучил глаза, зашатался.

– Да падай уже, сука! – ругнулся, подлетая, Котов. Он толкнул автоматчика, и тот замертво повалился с вытаращенными глазами.

Офицер затравленно вертел головой, но сдаваться не собирался, схватился за кобуру с «люгером». Павел подбежал первым, ударил его в подбородок носком сапога, и желание сопротивляться мгновенно угагло.

– Мужики, стаскивайте с покойника одежду, пока все кровью не залил, – проворчал Павел, вытащил из кобуры «ТТ» и, приблизившись к офицеру, выдернул «люгер» из кобуры. Офицер смотрел на него пустыми глазами, тоскливо смотрел, обреченно. Фуражка валялась рядом. На околыше красовалась кокарда – череп со скрещенными костями, пресловутая «мертвая голова». Подобные черепки поблескивали и в петлицах. Темно-серый мундир, сравнительно чистый, с небольшими помятостями. Гауптман, судя по погонам, капитан, гауптштурмфюрер, согласно классификации СС.

– Встаньте, герр гауптштурмфюрер, – вкрадчиво произнес по-немецки Павел. – Не будем пачкать такую красоту. Представьтесь, пожалуйста.

– Послушайте... – Губы офицера задрожали, он лихорадочно сглатывал. Эсэсовец был молод – не больше двадцати пяти. Даже в СС к концу войны сказывался кадровый голод. Офицеров повыбило на Восточном фронте, спешно обучали молодежь, присваивали звания, не соответствующие возрасту и заслугам. Вряд ли этот парень имел достаточный боевой опыт. Но с амбициями и верностью идеям национал-социализма все было в порядке – иначе в СС и быть не может. Отряды «Мертвая голова» отвечали за охрану концентрационных лагерей Третьего рейха – Дахау, Бухенвальда, Освенцима в Польше, Маутхаузена в Австрии. Именно они несли ответственность за массовый геноцид. Из них формировалась дивизия «Мертвая голова», наводящая ужас на мирных жителей Европы.

– Слушаю вас, герр офицер, – сухо произнес Павел. – Вам есть что сказать?

Подожли остальные, молча окружили их. Гауптштурмфюрер понял, что бы он ни сказал, итог будет один. Он задрожал и закрыл глаза.

– Ваше имя? – спросил Павел.

– Пауль Рейнмар... гауптштурмфюрер Пауль Рейнмар, 3-я рота усиления СС... – немного помешкав, ответил немец. – Нашу часть разгромили 6 мая под Теплице, то, что оста-

лось, перевели в подчинение полковника фон Лихтенберга... Не убивайте меня, – облизнул он пересохшие губы. – Вы же не обязаны меня убивать, верно? Я согласен на плен...

– Какие мы великодушные, – презрительно проворчал Котов. – На плен он согласен... А нашим мнением он поинтересовался?

– Ладно, Реймар, посмотрим на твое поведение, – кивнул Верест. – Кто-нибудь следует позади вашего экипажа?

– Нет никого, – замотал головой эсэсовец, – только я и унтер-шарфюрер Бауэр... – Он покосился на грузное туловище в исподнем, которое ногами затолкали в кустарник, но оно выразительно просвечивало оттуда. – Клянусь фатерляндом, больше никого нет...

– Типа Родиной клянется, – ухмыльнулся Рома Окулинич.

– Пожалуйста, не убивайте! – взмолился парень. – Я – гражданский человек, школу с отличием окончил, меня силой в армию забрали... У меня мама в Кельне, невеста там же...

– Неужели? – ухмыльнулся Павел. – А юнкерское училище СС тоже в Кельне окончил? Или в Тельце? А может, СС-Панцергренадиршуле в Киншлагге?

– Брауншвейгское училище, – обреченно вымолвил эсэсовец, невольно впечатленный познаниями русского офицера. – Я не участвовал в карательных операциях, не успел...

– Свистит! – заметил Звягин. – Командир, мы собираемся выслушивать историю его жизни?

– Куда вы ездили с унтер-шарфюрером Бауэром? – Верест тоже покосился на тело в кустах.

– Полковник приказал проверить дорогу на Козлице – выяснить, есть ли там русские...

– Ну, и как, есть?

– Кажется, нет... Дорога через Мозенский лес на Козлице свободна...

– Сколько ваших в замке?

– Пятнадцать солдат, два унтер-офицера, два офицера – штурмбанфюрер Лямке и штандартенфюрер Лихтенберг...

– Это его замок?

– Да, наверное... Мне все равно...

– Что вывозят из замка?

– Я не знаю... Это забитые и опломбированные ящики, их нельзя открыть... Они были складированы во дворе, погрузка должна осуществляться только после нашего прибытия – в зависимости от информации... Их установят в машины за несколько минут, там восемь единиц груза...

– Сколько машин?

– Два трехтонных грузовика «Opel Blitz», крытых брезентом... Есть еще легковой «Опель» барона фон Лихтенберга. Все машины заправлены бензином...

– Куда должны пойти?

– Этой информацией владеют только старшие офицеры... Думаю, мы должны пробиться на запад, через Кладно, в расположение американцев...

Алексей усмехнулся. Тяжело же им придется. Ключевые трассы контролируют советские войска. Впрочем, существуют объездные грунтовые дороги, на которые никаких патрулей не хватит.

– Рядовой состав – ваффен СС?

– Да, это парни из 3-й роты усиления... Они с боями выходили из-под Аушви... – Парень вдруг опомнился, что сболтнул лишнее, и закашлялся.

Оперативники переглянулись. Эти люди, каким-то чудом выжившие в боях, действительно входили в охранное подразделение концлагеря Освенцим, отбитого еще в 44-м. И вряд ли там все такие сговорчивые, как этот безусый гауптштурмфюрер.

– Раздевайся! – повелительно махнул стволом Павел.

– Что? – хлопнул глазами ээсовец.

– Раздевайся, говорю, скотина... – Верест подался вперед, надавил стволом в сереющую физиономию гитлеровца.

Тот, давась рыданиями, безропотно стащил с себя обмундирование, оставшись в исподнем. Котов, придерживая под локоть, повел его за кусты. У парня подгибались ноги, он еле волочил их. Все дальнейшее произошло в молчании – хруст шейных позвонков, хрипы, агония. Оперативники делали вид, будто ничего такого не слышат.

– Звягин, облачайся! – кивнул Павел на разбросанную одежду мотоциклиста. – Быть тебе унтер-офицером. Остальные, слушай мою команду. Мы со Звягиным едем в замок, импровизируем по ходу. Вы выдвигаетесь на передовые позиции, держите на прицеле часовых. Чуть шум – снимаете их, и вперед. Часовые отвлекутся, подставят спины, думаю, справитесь. Да не заставляйте себя ждать, иначе мы с Лехой рассердимся. На случай, если все пойдет не так: ждете пятнадцать минут, гасите часовых и врываетесь в замок. Не можем мы, парни, позволить этой колонне уйти. Чувствую, что не можем...

– Командир, да мы-то справимся, – пожал плечами Окулинич, – но вы-то сами – к волку в пасть, ничего?

– Ничего, – улыбнулся Павел. – Эта пасть уже практически беззубая.

Однако сердце тревожно сжалось, когда они выехали из леса по петляющей дороге. Пасть-то, может, и беззубая, но загнанные звери порой сопротивляются с таким ожесточением, что диву даешься. Мундир ээсовца невыносимо жал, фуражка тоже была не по размеру, еле держалась на макушке. Он покосился на Звягина. У того, наоборот, облачение Бауэра висело мешком. Не располагает образ жизни оперативника Смерша к пышным телесам. Лямки шлема с защитной сеткой он туго затянул под подбородком. На щеках его проступала бледность, костяшки пальцев, сжимающие руль, тоже побелели.

– Ты нормально? – спросил Павел.

– Нормально, – буркнул Звягин, не отвлекаясь от дороги. – Надеюсь, командир, у тебя есть план...

Верест промолчал. Плана не было. Но не хотелось огорчать товарища. Он верил в интуицию – что-нибудь подскажет в нужный момент. Глыба замка росла в объеме, приближались каменные стены. Часовой с любопытством смотрел со стены, свешивая ствол пулемета. Двое в мотоцикле не могли не привлечь внимание. Вроде свои, и звания те же, но уезжали явно не эти. Дорога переходила в каменный мостик через заросший ров. Впереди – арочный проезд в толще камня. Переносной барьер из сколоченного бруса, заменяющий шлагбаум. Звягин, не сбавляя скорости, катил через мост. Мотоцикл подпрыгивал на выбоинах в брусчатке. Павел соорудил раздраженное лицо, привстал в люльке, повелительно махнул рукой – убирай, к чертовой немецкой матери! Возникший автоматчик в ээсовской форме с засученными рукавами сделал озадаченную мину и, поколебавшись, стал оттаскивать ограждение. Звягин притормозил, нетерпеливо газовал на холостом ходу, а когда проезд открылся, рванул под темный свод.

Мотоцикл влетел в мощный каменными плитами двор. Родовое поместье баронов Лихтенбергов переживало не лучшие времена. Ветер носил обрывки мусора, валялись обломки оконных рам, какой-то мебели, камни и кирпичи, выбитые из кладки. У парадного крыльца с вздыбленными ступенями стояли два зачехленных грузовика в камуфляжной раскраске. Между ними возвышалась груда зеленых ящиков, обитых стальными скобами, и сновали люди в форме. Двое с автоматами за спинами, отдуваясь, подтаскивали еще один ящик. Рослый фельдфебель с рыжими усами выносил из здания набитые тряпичные мешки. В стороне курили автоматчики – при полной выкладке, в касках. Коренастый офицер с маленькими глазками насторожился – до появления мотоцикла он слонялся по двору, заложив руки за спину, пинал обломки кирпичей, а теперь застыл, упер руки в бока, как-

то произвольно подтянул поближе кобуру. Мотоцикл сделал полукруг по двору, встал у заглубленной в землю подвальной лестницы – эта сторона замка располагалась напротив главного входа. Правильно сделал Звягин, мысленно оценил Павел. Дверь в подвал была приоткрыта, но возле нее никто не терся. Он прикинул на глаз количество присутствующих. Штыков десять. Из разбитых дверей главного входа показалась еще парочка с погонами унтер-офицеров. За их спинами мерцала офицерская фуражка, высунулся обладатель холеной саксонской физиономии. Лично Георг фон Лихтенберг?

– Хайль Гитлер! – проорал Павел, выбравшись из люльки и вскинув руку. – Штурмбаннфюрер Лямке?

– Вы кто такой? – насупился подошедший офицер. Форма на нем изрядно поблекла, на щеке «цвела» незаживающая царапина.

– Гауптштурмфюрер Клаус Витте, 2-й Бранденбургский полк, выходили из окружения! – ответил первое, что пришло в голову, Павел и щелкнул каблуками. – Это унтер-фельдфебель Кох, – показал он на Звягина. Тот тоже слез с мотоцикла и делал вид, будто что-то ищет в коляске. – Все готово к отправке, герр штурмбаннфюрер? – скользнул взглядом по двору Верест.

Холеная морда в фуражке с задранной тульей вылезла на крыльцо и исподлобья взирала на происходящее. Солдаты прекратили болтать и слоняться – тоже смотрели. Часовые на «верхотуре» отвернулись от окрестностей, их взоры были теперь обращены во двор.

– В чем дело, Витте? Где гауптштурмфюрер Рейнман?

«Я за него», – подумал Верест.

– Там засада, герр штурмбаннфюрер! – Он снова вытянулся во фрунт. – Ваши люди попали в капкан большевиков недалеко от Мозенского леса. Рейнман ранен, сопровождающий его Бауэр убит. Мы с тремя солдатами и раненым обер-лейтенантом Риттером находились в той местности, пробирались вдоль опушки. Пулеметным огнем отделение большевиков было уничтожено, но мы поздно подоспели на помощь. Рейнман рассказал о своей миссии. Мне очень жаль, штурмбаннфюрер, но дорога в Козлице через Мозенский лес перекрыта Красной армией. Они идут лавой, приближаются сюда, похоже, у них есть информация об активности в замке. Минут через сорок они будут здесь. У них несколько грузовиков. Пока не поздно, прикажите своим людям загружать машины. Метрах в пятистах отсюда можно въехать в лес, спрятать груз в овраге, подождать, пока красные уйдут... Впрочем, дело ваше, – пожал плечами Павел. – Это ваши люди и ваш груз. А мы с унтер-фельдфебелем Кохом просто хотели помочь...

Офицер колебался, не зная как поступить.

– Лямке, черт возьми, что вы ждете? – гаркнул, спускаясь с крыльца, рослый и прихрамывающий барон Лихтенберг. – Вы слышали, что он сказал? Быстро начинайте погрузку!

И вдруг у Лямке сузились зрачки, кожа на скулах натянулась. Он смотрел не на Павла – куда-то мимо. Беспечно дрогнуло сердце. Верест скосил глаза, как бы случайно повернулся боком. Звягин возился в люльке (на самом деле он ослаблял крепления сошек пулемета к коляске), не замечая, что сбилась нагрудная цельнометаллическая бляха в форме полумесяца, висящая на латунной цепочке. Бляха прикрывала кровавое пятно, а теперь оно открылось. Звягин, не замечая, продолжал возиться.

Вдруг он почуял неладное и напрягся. Офицер сглотнул – выстроить логическую цепь, очевидно, было несложно, тупых в СС не берут – и, резко повернувшись, прожег взглядом Вереста:

– Ваши документы, Витте!

– Что-то не так, господин штурмбаннфюрер? – сохраняя выдержку, надел на себя маску легкого удивления Павел.

– Документы, я сказал! – Рука майора снова потянулась к кобуре.

– Как вам угодно! – Верест левой рукой начал расстегивать китель, чтобы забраться во внутренний карман.

Отставить внутренний карман! Как фокусник, он мгновенно вытащил из кобуры «парабеллум», вскинул ствол и выстрелил в упор! Пуля пробила глаз господину штурмбаннфюреру, вывернула часть затылочной кости, и он повалился плашмя, как фанерный лист. Солдаты засуетились, стали срывать компактные «MP-40», но Звягин, вывернув «косторез» из люльки, ударил рассыпной трескучей очередью, опередив их! Свинец разлетался плотно, веером. Кто-то открыл ответный огонь. Павел попятился за люльку, выбивая пули из «парабеллума». В двоих он точно попал, прежде чем скорчился за стальным корпусом. Звягин долбил от живота, расставив ноги, что-то задушевно орал, опустошая коробчатый магазин. Патронная лента, как змея, извивалась под ногами.

– Леха, падай! – истошно заорал Павел, стаскивая со спины «MP-40».

Тот не был самоубийцей, даже азарт боя не давал забыть, что жизнь – одна. Лента закончилась, и он тоже покатился за мотоцикл, передергивая затвор автомата.

– Командир, мы живы еще? – прокричал Звягин, сверкая глазами. – А где же наши «резинщики»?

Вопрос был очень кстати, ведь они отстреливались из-за люльки наобум. Несколько тел уже валялись во дворе. Остальные рассредоточились – одни укрылись за грузовиками, другие залегли за горами мусора. Гортанные выкрики оглашали двор. Истошно орал барон, спрятавшийся за крыльцом, приказывал обойти большевиков. А вот сверху не стреляли. Молодец, Рома Окулинич, ликвидировал часовых! «Фойер! Фойер!» – надрывался унтер-офицер. Автоматчики стреляли как заведенные. Мотоцикл превращался в грудку мятого железа. Кто-то из солдат метнул гранату, и она взорвалась метрах в пяти перед мотоциклом.

– Леха, прикрой! – гаркнул Павел и, чуть привстав, сунул руку в люльку. Там лежали три гранаты – традиционные «народно-штурмовые», с длинными деревянными рукоятками, прозванные в советских войсках «колотушками». Он успел вытащить две и снова скорчился, лихорадочно откручивая колпачок на конце. Выпал шелковый шнурок. Эстеты, мать их! Он дернул шнурок, перебросил гранату через мотоцикл. Взялся за вторую, отправил ее вдогон за первой. Пространство двора заволочла гарь. Пользуясь завесой, Павел извлек со дна люльки третью гранату и метнул ее за спину. Она скатилась со ступеней, ведущих в подвал, и гулко там рванула. Вроде не было там никого, но, как говорится, от греха подальше. Звягин все понял по его глазам, кивнул, стал откатываться к ступеням, до которых было пару метров, оттолкнувшись ногой, провалился вниз. Павел ринулся за ним – как раз, когда подгоняемые окриками солдаты встали в полный рост. Они бежали вперед, кашляя и ругаясь в дыму, беспорядочно падали. Он докатился до ступеней, взлетел на колено, чтобы выбить дурь хоть из парочки. В этот момент и схлопотал пулю в плечо! Звягин, ругаясь, стащил его за шиворот в подвал. Солдаты уже подбегали к лестнице, кто-то выхватил гранату, но кинуть ее не успел...

В этот напряженный момент и подоспела подмога! Автоматчики лейтенанта Щербины валили толпой и только во дворе рассредоточивались, выискивая конкретные мишени. Бой продолжался недолго. Угодившие в западню эсэсовцы оглашали пространство гортанной бранью. Корчились наспигованные пулями тела. Двое укрылись за грузовиком, ожесточенно огрызались. С воплем: «Все здесь поляжете, падлы!» – усатый старшина – единственный боец в возрасте – повалился плашмя на брусчатку и принялся стрелять по сапогам гарцующих за машиной эсэсовцев. Потом обогнул кузов и с дьявольской ухмылкой стал добивать корчащихся в пыли обладателей простреленных ног.

Бой продолжался не больше минуты. Рухнул ничком, взмахнув полами прорезиненного плаща, барон фон Лихтенберг. Впрочем, он недолго пробыл «мертвым». Улучив момент, поднял голову, как-то незаметно поднялся и захромал обратно к крыльцу.

– Смотри-ка, уходит! – Один из бойцов вскинул «ППШ».

– Живым брать! – опомнился Котов.

– Жилин, а ты бульжником ему вдогонку зафигачь! – засмеялся второй боец.

Впрочем, дополнительные меры не потребовались. Полковник споткнулся на крыльце, ударился носом о прутья арматуры и потерял сознание.

– Сюда его тащите! – заорал Котов.

– А эта собака не бешеная? – окружили поверженного барона бойцы. Тот стонал, скалил зубы, витиевато и совсем не аристократично ругался.

– Командир, ты жив? – скатился по лестнице возбужденный Окулинич.

– Жив твой командир, жив... – прохрипел Звягин, усаживая на ступени дуреющего от боли капитана. – Рома, помоги его вытащить. Подстрелили наше ясное солнышко...

Павел мог сам передвигаться, но каждый шаг давался с трудом. Его вывели во двор, посадили на пустой ящик. Подбежал красноармеец с заплечной медицинской сумкой, разрезал рукав, начал священнодействовать. Павел терпел, закусив губу, попутно осматривался. Последних раненых благополучно добились. По устоявшейся в войсках традиции, эсэсовцев в плен не брали – слишком много горя принесли они людям. Барон Лихтенберг стал исключением. Его подняли, потащили, награждая тумаками, на «лобное место». С надсадным ревом во двор въехала «полупорка», ее встретили приветственными криками. Барону связали конечности, швырнули в кузов без излишних воинских почестей. Смирившись с поражением, он даже не пытался отстаивать свое имущество и несуществующие права. Несколько солдат под командой старшины зачистили замок – там могли скрываться недобитые эсэсовцы. Прогремела очередь на втором этаже. «Готов! – задорно выкрикнул молодой боец. – В платяном шкафу спрятался!» – «Там и оставь его, – посоветовал кто-то из товарищей. – Пройдет полгода – будет скелет в шкафу!» Больше никого не нашли. В замке было шаром покати – все ликвидное имущество давно вывезли или же погрузили в ящики. Повсюду валялись тела. А у красноармейцев обошлось без потерь, фактически пострадал лишь один капитан Верест. Это было досадно и обидно. Солдаты подходили к продырявленным грузовикам, с любопытством поглядывали на складированные ящики.

– Командир, посмотрим? – поинтересовался Звягин.

Еще бы не посмотреть! Зачем тогда страдал? Павел кивнул, и красноармейцы обступили штабеля – как будто это был их собственный клад! Прибежал водитель с выдергой, взялся за работу.

– Эй, мужики, а ну, разойдись, ничего не трогать!.. – прохрипел Верест. Он тоже полез в первые ряды с больной рукой, не мог оставаться в стороне.

А в ящиках все было, как в сказке! Все бережно уложено, упаковано – с немецкой аккуратностью и педантичностью. В двух ящиках – архивные документы до самого верха. Павел, морщась, пролистал пару папок. Бросились в глаза штампы администрации концлагерей Аушвиц, Дахау. Таблицы, столбики цифр, убористая машинная печать. К черту эти архивы, пусть специалисты разбираются, кого и сколько... В других контейнерах лежала посуда, украшенная готическим орнаментом, какие-то вычурные серебряные кубки, бокалы. Трещали крышки, отдираемые от ящиков, восхищенным взорам представляли золотые и серебряные слитки, переложённые листами фанеры, многочисленные монеты из тех же благородных металлов, ювелирные изделия в отдельных картонных коробках – переливающиеся на солнце кольцо, ожерелья, перстни...

– Живут же люди... – сокрушенно вздохнул кто-то. – А мы на заводе, блин, от звонка до звонка, до полочки недотягивали...

– А ну, отставить завистливые вздохи! – нахмурился молодой лейтенант Щербина. – Зло это, бойцы, самое натуральное мировое зло, не стоит оно, чтобы ради него погибать... Онищенко, а ну, положи, чего хватаешь?!

– Да я только посмотреть, товарищ лейтенант...

– Руками не смотрят, Онищенко! Все отошли на шаг! Товарищи оперативники, хватит разлагать мне войско! – возмущенно выкрикнул Щербина. – Закрывайте, увозите это все, к чертовой матери!

В последнем ящике лежали картины. Самые настоящие, невыносимо подлинные! Каждая в отдельной фанерной упаковке, с замочком. Все без рам – рамы дело десятое. Пустые пространства были переложены ватой. Этот ящик был герметичен, имел резиновые прокладки по периметру створа. Пусть там не поддерживалась постоянная температура, но резких ее скачков удавалось избегать. Звягин, имеющий достаточное представление, что такое искусство, отстранил веснушчатого бойца, принялся сам перебирать полотна. Павел, затаив дыхание, подался вперед – даже про боль забыл. Этим полотнам место только в музее, больше нигде. О подлинности речь не шла – не станет немецкий барон связываться с фальшивками. Личная коллекция или награбленное – выяснит следствие. Несколько печатных оттисков – гравюр, одни изображали что-то библейское, из разряда «Страстей Христовых», на другой – всадник, конь под которым давит черепа и распростертые трупы. Странные животные, сжавшиеся в пружину, восходящее солнце на фоне причудливых зданий. Остальные – картины, выполненные масляными красками. Многие потрескались, но от этого не делались менее значимыми и дорогими. Католические попы в алых и белых рясах, распятый Христос с блаженно-мученическим лицом, интересный пейзаж на фоне старинного города, несколько портретов – напыщенные бородатые господа в одеждах вельмож и бархатных мантиях, пара женских портретов, выполненных с удивительным вниманием к деталям. Темы апостолов, Апокалипсиса. От картин буквально веяло Северным Ренессансом. XV–XVI века, немецкое Возрождение. Кронах, Шонгауэр? Гравюры могли принадлежать Альбрехту Дюреру, портреты – Гансу Гольбейну-младшему, и если это так, то содержимому контейнера цены не было!

– Мужики, аккуратно складываем, как было, обращаемся с этой хренью, как со спящей царевной, – пробормотал Верест.

– Неплохо, командир, – покачал головой не менее впечатленный Звягин. – Не зря заехали. Нет, я не имею в виду твою несчастную руку, хм...

– Прикоснулись, блин, к высокому... – Окулинич зачарованно смотрел, как Котов закрывает ящик. – В натуре, жизнь коротка, искусство вечно...

– Да ну, мазня какая-то... – неуверенно заметил веснушчатый боец. – У нас ефрейтор Аникеев, который боевые листки малюет, и то лучше нарисует. То ли дело наши Шишкин или этот, как его...

– Петров-Водкин, – морща нос, подсказал смешливый боец. – Еще Маяковский. Не, мужики, а Маразма Роттердамского почему забыли?

Солдаты грохнули – не все были из деревень, далеких от обязательного среднего образования. Конопатый обиженно надулся.

– В машину все материальные ценности, включая денежные средства и драгметаллы! – распорядился Павел. – Чего расслабились, бойцы? Нам все это благолепие, не считая полонного барона, еще до штаба фронта везти предстоит. Всякое в дороге случиться может...

Он плохо помнил – от боли трещала голова, и меркло сознание, но, кажется, довезли. Штабные офицеры не скрывали радости, жали руки, поздравляли с успехом, обещали правительственные награды всем участникам и сильно удивлялись, как горстке красноармейцев удалось без потерь «замочить» такую кучу вооруженных до зубов эсэсовцев. «А я, по-вашему, не потеря?» – застонал, теряя сознание Павел. «В госпиталь его – срочно! – распорядились высокие чины. – Пусть отдохнет. Да смотри, не залеживайся там, капитан, а то привыкнешь бездельничать. А для остальных у нас есть не менее увлекательное задание...»

Его привезли в госпиталь на «Эмке», выделенной от щедрот заместителем начальника штаба армии, и вот уже пятый день он томился от безделья, пил украдкой самогон, безбожно

курил в непригодных для этого местах, засматривался на хорошенькую девушку в белом халате...

Глава вторая

Увы, познакомиться ближе с милой девушкой Таней оказалось не суждено. Павел проснулся на рассвете от странного свербящего чувства дискомфорта. Он сел на кровати, натянул «верхушку» от больничной пижамы. Рука еще ныла, но с облачением справиться удалось. Госпиталь еще не проснулся. В окно заглядывал серый рассвет. Виднелась калитка, ограда со штaketником, во дворе «Эмка», грузовой «ЗИС» с красным крестом. Небо затянуло, но ветер не собрался – ветки за окном были неподвижны, как на фотографии. Похрюпывали соседи, Бульба с Кондратьевым. Похоже, выдержали меру, не надрались до свиных соплей. Отчего же так пакостно на душе? Что-то качнулось за окном, и он вздрогнул, но нет, всего лишь зевающий часовой...

И вдруг за окном разразилась беспорядочная пальба! Били немецкие «маузеры», злобно гавкали «шмайсеры». В здании барака лопались стекла, кричали проснувшиеся люди. Попятился часовой за окном, скинул с плеча скорострельный карабин Симонова, поступивший в Красную армию только в этом году, передернул затвор, прицелился. Но тут же выронил оружие, затрясся, как кукла в пальцах кукловода, и упал, истекая кровью. Голосили женщины в бараке. Павел подлетел к окну и тут же отпрянул, когда гроздь пуль в щепки раскрошила раму. Какого рожна?! Кому понадобилось штурмовать мирный госпиталь?! Подлетели Бульба с Кондратьевым – взерошенные, похмельные, осоловело хлопали глазами. Стонали тяжелораненые, подскакивали выздоравливающие. По коридору пробежал кто-то из персонала, кричал, чтобы никто не высовывался. Охрана всех защитит!

Черта с два, она защитит! Создавалось угнетающее впечатление, что никого из карательных уже не осталось в живых.

– Слышь, офицер, что за хрень? – испуганно пробормотал Кондратьев.

– Може, помилка, або бандити які-небудь... – промямлил Бульба, судорожно растирая глаза.

Какая, на хрен, ошибка! Стрельба усиливалась, в госпитале вспыхнула паника. Верест снова метнулся к окну. На ограде в районе калитки висел еще один труп в красноармейском «хэбэ». Какая же это гадкая вещь – быть убитым после войны! Справа кто-то подбегал. Воспользоваться калиткой, видно, было недосуг – секция ограды пала под ударом тяжелого сапога. Еще трое перепрыгнули через обломки и побежали через двор к крыльцу. Распахнулась дверь, коридор огласил зычный топот, затем грохнул выстрел – какая-то женщина подавилась хрипом. Павел похолодел. Сейчас эти твари сюда ворвутся...

– Мужики, за мной... – прохрипел он и, забыв про больную руку, помчался к двери, схватив по дороге долговязую штангу для капельницы на тяжелой подставке. Когда очередная дверь пала от сокрушительного пинка, он уже раскручивал ее, держа за легкий конец. Получай, фашист... капельницу! Устройство огрело по голове влетевшего здоровяка. Что слону дробина, но фактор внезапности сработал. Громила остановился и ошеломленно замотал головой. Странная форма на этих троих – не советская, не немецкая. Грязно-зеленые куртки типа полевых голландских, справа на груди – фашистский орел, рукав украшает шеврон: белый круг с черно-красной каймой, а в круге – перекрещенные синие полосы...

– Падла! – взревел здоровяк нечеловеческим голосом.

И сразу все встало на места. Павел уже видел эту форму – совсем недавно, когда брали Власова. «Русская освободительная армия», набранная исключительно из предателей трудового народа! Изменники-власовцы! Но что им надо от этого госпиталя?

Сзади напирали, подтолкнули подельника, и тот влетел в барак с выпученными глазами. Вскинул «ППШ» (добыл же где-то, сволочь), но Павел отбил ствол больной рукой и ударил правой – в небритую челюсть! Рассыпались остальные – такие же неопрятные, изры-

гающие запах сивухи. На них летели, махая кулаками, Кондратьев с Бульбой. Пара мгновений – и ближний бой, в котором проблематично воспользоваться стрелковым оружием...

Павел нанес второй удар, третий, бил, распаяясь, по свернутой челюсти – пока она не треснула, к чертовой матери! Голова противника болталась, но не отваливалась. Ему и это было, как слону дробина! Силен, подлец! Власовец брызгал слюной, изрыгал что-то невнятное, но явно непечатное, хватал Павла за грудки. Последнее усилие, он напрягся – швырнул его затылком о стену. От удара посыпалась штукатурка. Власовец осел, растянулся вдоль стены. Павел рухнул перед ним на колени, выхватил нож из чехла на поясе, вонзил в горло, а когда выдернул, кровь ударила, как из фонтана в день открытия! Он бросился на помощь Кондратьеву. Товарища «оседлал» рябой долговязый субъект. Кондратьев извивался, тужился, хватал его за руки. Павел набросился сзади, вонзил нож в шею и отшвырнул от себя, как мешок с навозом. Кондратьев поблагодарил глазами. Его трясло в каком-то нервном припадке. Бульбе помощь не требовалась. Ему уже помог другой обитатель палаты – небритый, с обмотанной головой. Они пинали какого-то кукольного курносого паренька, тот визжал, как поросенок на скотобойне, махал вхолостую ножом, извивался, пытаясь вырваться от них, физиономия искажалась от боли и ненависти. Оба раненых дружно навалились на него, еще пара секунд – и все было кончено, парень забился в конвульсиях.

– Наигрались, бойцы? – гаркнул Павел. – Хватай оружие – и за мной!

Довольно странно, на все ушло не больше полминуты. Другие «претенденты» пока не появлялись. Все пространство перед входом было залито и забрызгано кровью. Валялись истерзанные тела. Больные бросились вооружаться. Их лица, больничные пижамы, руки, автоматы, которые они хватали, – все было в крови. Слава богу, что в чужой!

Павел схватил «ППШ» с облезлым прикладом, втиснул в карман больничных штанов запасной дисковый магазин, в другой карман – гранату «РГ-2» и выскочил в коридор. По узкому пространству плавала оружейная гарь. Он споткнулся о неподвижное тело, потом о другое. Полоса препятствий какая-то! Кто-то шлепал за ним босыми пятками, он не оглядывался. Ярость рвала голову. Одно дело, немцы – пусть враги, но это немцы! И совсем другое, когда «свои», русские, учиняют живодерню, атакуя беззащитный лазарет! Эти трое были авангардом. Остальные, возможно, и не собирались заходить в госпиталь. Не за тем явились! На улице перекликались люди. Отсутствие погибшей троицы расценили превратно. Мало ли чего они там задержались, может, медсестра симпатичная попалась...

Павел выбежал на крыльцо, завертел головой. Власовцы подбирались к госпиталю какими-то мелкими партиями. Еще двое, зевая, тащились через двор. Трое, навьюченные оружием, в грязно-зеленой голландской форме одолели поваленную ограду и направлялись к машинам напротив крыльца. За деревьями вне пределов госпиталя мерцала очередная партия – изменники медленно двигались цепью...

За четыре секунды Верест оценил ситуацию и все понял. Не нужен им этот чертов госпиталь, нужны машины! А заодно и в госпитале почудачить, если кому-то охота! Разрозненные группы всякой швали уже две недели пробивались на запад, рассчитывая на милость союзников. Шли лесами, полями, перелесками, избегали значимых дорог и крупных населенных пунктов. Видимо, эта группа была одной из многих. Надоела пешая жизнь – всю ночь тащились лесом, а тут на госпиталь нарвались. И охраны с гулькин нос. А главное, две исправные машины во всей красе! Решили попытать удачи. Кого остановят на дороге в последнюю очередь? Правильно, грузовую машину с красными крестами!

Двое уставились на капитана, как на явление Антихриста, попяtilись, скидывая автоматы. Но граната уже полетела по адресу, а Павел спрятался за крыльцо и, встав на одно колено, начал стрелять, автомат выплюнул с десяток пуль.

Власовцы в страхе попадали на землю, пятясь отползали подальше. Павел выпустил еще одну порцию свинца, метнулся на пустырь, покатился за клумбу. Вчера ее вскапывали

санитарки. Посеять ничего не успели, зато оформили, приподняли над уровнем земли – словно знали, что утром понадобится капитану контрразведки! Он перекатился за клумбой, сделал несколько выстрелов, опять перекатился. В районе обрушенной ограды перебежали фигуры в грязно-зеленой униформе, гремели очереди, хлопал карабин. Матерились, как в портовом кабаке. Среди лип за оградой скапливался неприятель, где-то не меньше дюжины. Трое оставшихся на территории дружно поднялись, рванулись за ограду. Верест прижал приклад к плечу и «выплюнул» остатки магазина. Споткнулся коренастый тип, у которого из-под формы торчало исподнее, рухнул, раскинув руки. Остальным посчастливилось убраться, они ползли в траву, а со стороны деревьев грозно горланил их командир – угрожал расстрелять за трусость, ни шагу назад!

Неприятель не собирался отступать. Ему позарез нужны были эти машины! Власовцы приближались перебежками, меняли позиции для стрельбы. Пули молотили по госпиталю, выбивая последние стекла, вспахивали клумбу. В разбитом окне возникло искаженное лицо Вероники Аскольдовны. Она ругалась матом, как заправский грузчик, вытянув руку, стреляла из «ТТ». Пуля расщепила оконную раму, женщина отпрянула, выронила пистолет. Кондратьев выбежал из-за крыльца и, петляя, как заяц, подбежал к клумбе. Повалился рядом, раскидав землю, долбанул, не глядя, из немецкого автомата.

– Патроны береги! – крикнул Павел. – Других не будет!

– Много их там? – прохрипел Кондратьев, боясь высунуть голову.

– Много. Целая очередь.

– Еще живая?

Они открыли огонь синхронно, когда кучка власовцев отделилась от деревьев и устремила к госпиталю. Один упал, получив свинцом по черепу, остальные рассыпались в разные стороны. Трое раненых, способных передвигаться, выбежали на крыльцо, заметались. Один, пригнувшись, подбежал к мертвому красноармейцу, схватил винтовку и покатился по пыли. Второй предусмотрительно залег, затем пополз к лежавшему посреди двора трупу власовца, стащил с него автомат. Мертвое тело – отличное укрытие, он распластался за ним, бил короткими очередями. Третьему не повезло – пуля сбила его на излете, когда он прыжком собирался достичь беседки. Бедняга захрипел, держась за простреленный живот, горлом пошла кровь. Бульба вывалился из окна в крохотный, обнесенный мелким заборчиком огород, который санитарки вскопали под лук и морковь, и, ругаясь потешным украинским матом, пополз, волоча за собой на ремне немецкий «Маузер-98К».

– Любит этот хохол повозиться в огороде, – подмигнул Кондратьев. Обернулся, не поднимая головы: – Эй, Петро, ты как там? Держись, дурила, это тебе не картошку на драники натирать!

Бульба отозвался в том же духе, дескать, шел бы ты лесом, умник. Но причин для смеха оставалось все меньше. Слишком неравны были силы. Горстка защитников госпиталя стреляла по деревьям, экономя патроны. Власовцы боеприпасов не жалели, наседали. Они мерцали за деревьями, накапливались метрах в десяти от больничной ограды. Откроют кинжальный огонь, преодолеют пустырь стремительным броском – и в рукопашной с ними уже не совладать...

– Эй, коммунаки, жиды позорные, сдавайтесь! – проорали из-за деревьев. – Тогда просто убьем! А будете сопротивляться, на ремни порежем!

– А ты подойди, порежь, гнида фашистская! – отозвался Кондратьев и распластался, измазав физиономию, когда шквал свинца вздыбил свежевскопанную клумбу. Перебежали еще несколько человек. Петлял между деревьями юркий невысокий боец, волоча за ствол ручной пулемет Дегтярева. Только этого не хватало! Павел прицелился и выстрелил одиночным. Мимо! Пулеметчик ударил рваной очередью и орал, давая гашетку. Из оконных пере-

плетов посыпались последние стекла, разлетелись клочья деревянной облицовки. В один присест пулеметчик опустошил диск. И в этот момент Павла осенило.

– Мужики, стреляйте по машинам! – крикнул он. – По колесам, мать их! – И первым ударил по «полуторке» и «Эмке», которые находились фактически под боком. Нужен транспорт? Получите, твари! «Эмка» сразу же просела – полопались шины, отвалился передний бампер. Лежащий рядом Кондратьев быстро сообразил – тоже перенес огонь. «Полуторка» клюнула носом, несколько пуль ударили в крышку капота, закрывающую двигатель, изогнули ее, а одна попала в бензобак, выплеснулось и тут же полыхнуло горючее. Машина загорелась, и ее мгновенно окутал чадный дым.

– Господин ротмистр! – истошно завопили за оградой. – Они машины сжигают, суки!

Не было им больше смысла вести бой. Разве что из мести, из злобы перед всем советским – перебить раненых и персонал, сжечь, к чертовой матери, лазарет! Власовцы снова стали метаться. Ветер сменил направление, и дымом горящей машины заволокло их позиции. Разразилась бешеная истерика! Советских людей крыли отборным матом, бросили несколько гранат, взорвавшихся с недолетом. Дрогнули ряды, неприятель стал отползать. Снова в оборону! Павел стрелял, стряхивая грозди пота с лица, перекачивался, снова стрелял. И рядом кто-то лупил одиночными. Власовцы пятились, беспорядочно огрызаясь. Кто-то бросил напоследок гранату, она рванула, не долетев до клумбы. Осколки разлетелись выше, но взрывная волна ударила по ушам, вызвав легкую контузию. Павел продолжал вести огонь, но что-то пошатнулось в сознании, в ушах гудело так, словно он находился внутри колокола, по которому били металлической колотушкой. Помощь запоздала, но все же оказалась не лишней. С южной стороны с дороги съехал трехтонный «Студебеккер», отвалились борта, и из машины высыпались красноармейцы. Они бежали с двух сторон в обход здания. Пулеметчик занял фланговую позицию, отсекая отставших власовцев и прижимая их к земле. В рядах изменников вспыхнула паника, и они побежали в сторону леса. Красноармейцев было человек пятнадцать, они наседали с двух сторон. Отрезанные от своих, оставшиеся власовцы бросили оружие и поднялись с поднятыми руками, трясясь от страха. Пленных брать не стали – возись еще с ними! Загремели «ППШ», ломая черепа предателей родины. Нескольким врагам все же удалось отступить в лес, но и там их догнали, уничтожили...

От прогорклого дыма щипало глаза, сворачивались узлом дыхательные пути. Павел шатался по двору, как подстреленная сомнамбула, волочил за собой на ремне пустой автомат. В ушах надрывалась звонаря, пестрые круги плясали перед глазами. Какой-то сержант, пробега мимом, сочувственно похлопал его по спине:

– Держись, браток! Молодцы, продержались! Окружили наши парни этих гадов в лесу, всех до единого положили, нет их больше...

Он плохо воспринимал слова. Контузия оказалась тяжелее, чем представлялось. Вокруг сновали люди, стаскивали мертвые тела. Вперемешку валялись советские бойцы в больничных пижамах и убитые власовцы. Плакала, не в силах унять истерику, Вероника Аскольдовна, ее успокаивала бледная, как смерть, медсестра Лариса. Красноармейцы заливали водой горящие машины, и от этого вонь становилась еще острее. В бою погибли четверо солдат, выделенных для охраны медицинского учреждения, около десятка раненых, многих пули настигали прямо в кроватях. Медицинский персонал потерял половину своего состава. Ефрейтор Бульба лежал на краю крохотного огорода, подлая пуля попала в шею, когда он сподобился на рывок. Вывернулась голова, изумленные глаза затянула мутная поволока смерти. Рядом на корточках сидел потрясенный Кондратьев, отделавшийся парой царапин, тряс его за плечо, бормотал: «Петро, какого хрена? Петро, вставай, так твою растак...» Красноармейцы попытались оттащить труп в общую кучу, но он так на них посмотрел, что у парней пропало желание. Павел брел по разоренному госпиталю, постоял над телом глав-

врача Тетерина, который, даже мертвый, не выпускал из руки пистолет. Опустился на колени перед медсестрой Танюшей, она лежала, прижавшись к стене, посреди коридора, где ее порола очередь. Тоскливая безысходность теснилась в мертвых глазах. Рассыпались волнистые волосы, которые Танюша прятала под форменной пилоткой, белый халат пропитался кровью. Он тупо сидел перед ней, смотрел в ее пустые глаза и чувствовал, как в душу забирается черная гниль, разъедает, как раковая опухоль...

За окном ревели грузовики, развозили мертвых – своих, чужих. Вероника Аскольдовна пришла в себя и, взяв бразды правления, отдавала команды надтреснутым голосом. Из Праги прибыли на замену выбывшим молодые медики. Павел угрюмо смотрел, как грузят в санитарную машину погибшую Танюшу. Наверное, выбежала из медсестринской комнаты, когда власовцы ворвались в здание. Остановить хотела нелюдей? Зачем она это сделала – без оружия, с маленькими беспомощными кулачками? Он провожал глазами уходящую машину. Даже фамилии ее не знал... Потом лежал на кровати, отрешившись от всего. Когда же кончится эта бесконечная вакханалия? Две недели без войны, но что-то непохоже... Лара предлагала какие-то таблетки, тащила на перевязку, она сделалась совсем некрасивой, глаза воспалились от слез. Он не орал, только отмахивался – здесь уйма народа, которому требуется реальная помощь, пусть отстанут от него, наконец...

Из Праги прикатили штабные следователи на внедорожнике, стали вынюхивать, расспрашивать. Над кроватью нависли два офицера с красными погонами и в синих фуражках.

– Добрый день, капитан, – вкрадчиво поздоровался один из них. – Как вы себя чувствуете? – Впрочем, реальное состояние больного его несколько не волновало. – Капитан Синицкий, отдел военных дознавателей 1-го Украинского фронта. Несколько вопросов, уважаемый. Нам рассказали, что здесь произошло. Вы помогли отбивать нападение кучки отщепенцев из РОА, это похвально. Но позвольте спросить, зачем вы стреляли по госпитальным машинам, чем безвозвратно вывели их из строя? Не пахнет ли сознательной порчей государственного имущества? Вам есть что ответить, уважаемый?

У Павла было не только что ответить, но и в морду дать! Ярость задурила голову. Стоят тут, такие чистые, ехидные, готовые ни за что арестовать выжившего в бою человека! Государственное имущество им важнее человеческих жизней!

Он подскочил с кровати, стиснув кулаки. Голова пылала. Следователь испуганно отпрянул, невольно схватился за кобуру. Вот так, значит? Еще и покушение на должностное лицо во время исполнения им служебных обязанностей? Но в последний момент удалось сдержаться, иначе последствия были бы непредсказуемыми.

– Капитан Верест, отдел контрразведки ударной армии... – царапая следователя колючим взглядом, процедил он сквозь зубы. – Хреново работаете, капитан. Могли бы и лучше опросить людей. Не понимаете, почему я это сделал? Мозгов не хватает? Так я вам займу, за мной не заржавеет. Хотели, чтобы жертв было больше? Чтобы власовцы сели в эти машины и спокойно поехали к линии разграничения, за которой их охотно приютили бы союзники? Не понимаете, что именно за ними они и пришли, и порча транспорта была вынужденным, но необходимым шагом? Кто бы их остановил на машине с красным крестом? Не пахнет ли государственной изменой, капитан Синицкий? Хотите на допрос в Смерш, где вы будете тщетно доказывать, что ничего такого не имели в виду, а просто идиот с рождения, и следовали инструкциям, писанным такими же идиотами? И этот допрос я вам живо устрою, капитан. Пошли вон, кретины! – вскипел он. – Делом займитесь, выясняйте, откуда шли власовцы, куда направлялись, почему охрана госпиталя оказалась из рук вон хреновой!

Следователь явно не ожидал такого разноса. Но на больном ведь не висит табличка, что он из Смерша! В глазах блеснул страх. Он облизнул пересохшие губы, покосился на напарника. Тот усердно делал вид, будто происходящее его несколько не касается.

– Хорошо, товарищ капитан, не надо так нервничать, мы разберемся в ситуации... Мы всего лишь выполняем свою работу...

– Так идите и выполняйте! – отрезал Павел. Как-то схлынула злоба, пропало желание махать кулаками. Он рухнул в койку, отвернулся, поймав уважительный взгляд небритого «сокамерника» с забинтованной головой. Следователи бесшумно покинули помещение. А через час, когда он начал проваливаться в сон, к зданию госпиталя подъехал «ГАЗ-67» с вырезами в борту вместо дверей, и палату наводнили бойцы его группы.

– Здравия желаю, товарищ капитан! – поздоровался Звягин. – Хреново выглядишь, чуток здравия тебе бы точно не повредил. Знаем, что здесь произошло, уже рассказали. Прими сочувствия. Говорят, ты бился, как лев.

– Эх, жизнь-подлюка, – сокрушенно вздохнул Котов. – Она, как шашки: ходи, куда хочешь, но только по черным клеткам...

– А мы тебе апельсины привезли. – Окулинич взгромоздил на тумбочку увесистую сетку. – Самые настоящие апельсины, командир. От благодарных жителей Праги. Они до сих пор ликуют, что их освободили от ига немецко-фашистских захватчиков.

– А главное, что город практически не разрушили, – хмыкнул Звягин. – Ирония войны. Вся Германия в руинах – и не только Германия, а Прага – стоит, как новенькая. Мы погуляли пару дней по ней – занятный, скажу тебе, городок. Архитектура – просто дух захватывает.

Павел рассказал им про следователей из штаба фронта.

– Не психуй, командир, решим ситуацию, если завернет куда-то не туда, – пообещал Звягин. – Сегодня же предупредим майора Руденко, чтобы держал ситуацию под контролем. Плохо выглядишь, – повторил он. – Не спешил бы ты с выпиской. Стоящей работы все равно не осталось. Грустно сообщать тебе об этом, но нас троих переводят в трофейный батальон под Дрезден. Будем числиться отныне в Трофейном управлении 1-го Украинского фронта. Там формируется собственный отдел контрразведки, будем следить, чтобы трофеи не слишком рьяно разворовывались. После выписки давай к нам?

– Куда отправят, – улыбнулся Павел. – Я хоть сейчас обратно в строй.

– С этими трофеями вообще напасть, – добавил Окулинич. – На железных дорогах транспортный коллапс, все пути забиты эшелонами, нагруженными трофейным добром. стыдно порой за наших генералов. Откупают отдельные вагоны, забивают их мебелью, тряпками, посудой... Ты не представляешь, какие грабеж и воровство царят в нашем тылу...

– Ладно, не будем о плохом, – отмахнулся Котов. – Натерпелись, промучились, имеем право на компенсацию. Хотя противно, конечно, смотреть, с какой жадностью растаскивается немецкое хозяйство...

После отъезда товарищей стало совсем невмоготу. Жизнь в госпитале приходила в норму, из Праги прислали нового главврача – майора Ненашина, который тут же приказал составить список всех больных и подать ему на стол. «Хотите – выписывайтесь, капитан, – пожал он плечами, когда Павел настоял на «аудиенции». – Неволить не буду, в бой все равно с утра не пойдете. Я бы подержал вас еще недельку, но если вы так рветесь на просторы... воля ваша. Сами видите, как у нас дела с лекарственными препаратами и квалифицированными кадрами. Ночку переспите, а утром подготовим документы на выписку. Надеюсь, сами доберетесь до своей армии».

Он провалялся еще одну ночь, вертелся, как на иголках, забылся лишь под утро. После завтрака, на который подали традиционную овсяную кашу, по душу Вереста явился порученец на «Виллисе». Павел курил в беседке в гордом одиночестве (новый главврач еще не продумал систему борьбы с курением), хмуро смотрел, как высаживается водитель, опрятный офицер, закованный в португею, исчезает в бараке, потом возвращается обратно, вертит головой и следует к беседке. Видно, кто-то настучал, где в этот час можно найти капитана Вереста.

– Капитан Верест Павел Сергеевич? – козырнул порученец, входя в беседку. – Доброе утро. Капитан Игнатов, офицер по поручениям из штаба ударной армии.

– Присаживайтесь, капитан. Курите?

– Спасибо, Павел Сергеевич, некогда. Я к вам с предписанием. – Он протянул запечатанный конверт. – Ваше ранение ведь незначительное? Вам дается не более пары дней на окончательное излечение, после чего вам следует прибыть в Креслау – в отдел контрразведки армии генерала Чудиновского.

– Куда? – удивился Павел.

– Креслау, – повторил порученец. – Нижняя Силезия. На поезде от Праги меньше двухсот километров на северо-восток...

– Я знаю, что такое Креслау, – перебил его Павел. – Вам известны подробности?

– Это ваше новое назначение. Ваша группа, насколько знаю, расформирована, основной состав уходит в Трофейное управление, а вас из Ударной армии переводят в Гвардейскую армию генерала Чудиновского, соединения и части которой занимают юго-запад Польши и северо-восточные области Чехословакии. В течение двух суток вы должны прибыть в Креслау, в армейский отдел контрразведки. Ваш непосредственный начальник – подполковник Шалаев Павел Максимович. Это все, что мне известно.

– Я выезжаю сегодня же, – заволновался Павел. – Незачем ждать двое суток, надоело болеть, капитан... Вы в Прагу? Подкинете до места?

– Рад бы, – улыбнулся офицер, – но у меня еще долгое путешествие в штаб танковой армии генерала Рыбалко. Вам придется добираться самостоятельно. В Праге получите все инструкции, сухой паек, командировочные, приведите себя в порядок. Честь имею! – Он козырнул и растворился в пространстве.

Павел задумался. Это не арест – определено. Похоже, подполковнику Шалаеву срочно требуется опытный сотрудник. Своих нет?

Глава третья

Только утром следующего дня Верест выехал из освобожденной советскими войсками Праги. Устанавливалось что-то похожее на мирную жизнь. Работали магазины, школы, больницы, на улицах появлялись первые робкие гуляющие. Город был забит патрулями – местные жители с повязками совместно с красноармейцами патрулировали улицы. На перекрестках стояли танки и бронетранспортеры, красовались пулеметные гнезда из мешков с песком. Но приметы мирной жизни были налицо. Прага хорошела – зеленели деревья, расцветали яблони с черемухой. Поезда уже ходили по расписанию. Впрочем, желающих отправиться в северо-восточном направлении было немного. За утро несколько раз проверяли документы. Офицерское удостоверение контрразведки работало безотказно: при виде «волшебного» слова Смерш патрульные торопливо козыряли и теряли интерес. Новое обмундирование еще не притерлось, чесались подмышки. Поскрипывала портупея, поблескивал на солнце новенький кожаный планшет. Вещмешок за спиной практически ничего не весил. Больное плечо он научился бинтовать самостоятельно – перед отправкой на вокзал туго замотал, выпил все положенные таблетки. Покидая госпиталь, выслушал инструкцию по бережному обращению с рукой, поклялся, что будет ее выполнять. Временами он забывал о ранении, делал неловкое движение и морщился от острой боли.

Поезд был старенький, но какой-то непривычно чистый. Он вышел с вокзала с опозданием на пятнадцать минут – вполне в допуске. Павел сидел у окна, прикрыв бедром кобуру, смотрел в окно. В маленьком купе все было пристойно, если не замечать отсутствие двери. По коридору сновали люди, говорили по-немецки, по-чешски, иногда проскальзывала родная речь. Через два отсека ехали артиллеристы с новым назначением, затаскивали в купе какие-то тяжелые чемоданы, баулы. В его купе перед отправлением робко вошли женщина с девочкой. Обе немного побледнели, обнаружив, что соседом будет русский освободитель. Он дружелюбно улыбнулся, подвинулся. Они молчали, как в рот воды набрали, – общались меж собой очень редко и только шепотом. Он тоже не навязывался в собеседники. Поезд набирал скорость, покидал Прагу. Пассажиры утомонились, только колеса стучали по стыкам. Территория, по которой шел состав, считалась относительно безопасной. «Бродячие» группы солдат вермахта и примкнувшей к ним РОА практически извели, местные партизаны тут не водились – за исключением упертых членов фольксштурм (штатского ополчения) и юнцов из гитлерюгенда, впитавших идеи нацизма с молоком матери. Но от них было больше шума, чем вреда. По сравнению с Западной Украиной и Западной Белоруссией – просто заповедник безопасной жизни...

По коридору протопал красноармейский патруль с красными повязками. Всунулась прыщавая физиономия, поколебалась, испарилась. Женщина обняла девочку, а когда «опасность» миновала, обе облегченно вздохнули.

– Не волнуйтесь, фрау, – покосился на них Павел, блеснув идеальным знанием немецкого, – вас никто не тронет, Красная армия не воюет с гражданским населением. В этом купе вам точно ничего не грозит.

– Спасибо, – робко глянула на него женщина. – Я не фрау, я пани... Муж был немец, работал мастером в железнодорожной мастерской, мы получили в Чехии статус фольксдойче, а сейчас с Магдалиной решили вернуться на родину, в Краков. Наши вещи уже уехали почтово-багажным поездом...

– Хорошо, – кивнул Павел, – в Кракове сейчас спокойно, у вас все сложится.

Продолжать беседу не хотелось. Старинный Краков, благодаря усилиям советской разведки и подпольщиков, так и не взлетел на воздух. А ведь с таким усердием его минировали. Год назад там творилось что-то дикое. Поляки терроризировали поляков, Войско польское

расправлялось с Армией крайовой, у которой имелись планы восстановить в городе собственную власть. За год страсти приутихли, народная власть держалась прочно, город жил мирной жизнью.

Он снова уткнулся в окно. Природа наливалась красками. Пробежала прозрачная речушка, небольшой городок – терракотовые крыши, аккуратные фасады малоэтажных зданий, остроконечные шпили католических церквей, исполненные духом древней готики. Впереди проступали горы – первые отроги Судет, обширного горного массива на стыке Польши, Германии и Чехословакии.

Женщина украдкой поглядывала на него, но он не был расположен к беседе. Перед ним еще лежало распростертое тельце медсестры Тани, ее глаза, исполненные тоской. Он повидал сотни смертей, видел, как гибнут красивые женщины, но почему именно эта смерть его так потрясла? Запали в душу красивые серые глаза, возникли робкие мысли, что не за горами «гражданка», нужно устраивать дальнейшую жизнь, и почему бы не начать с семейной? Он старался не думать об этих глазах, гнал их из памяти. Вспоминал прошедшие годы, фронтовые дороги, бесконечное сидение в засадах, стычки с диверсантами, с мелкими группами вермахта и ваффен СС... Учеба в Омске, строительный вуз, внезапная гибель отца, работавшего в биохимической лаборатории крупного технического института. Не уследили за опасным вирусом – и он за несколько дней разъел человека. Было начало 37-го, и уже через месяц в институте начались повальные аресты. Хватали достойных грамотных преподавателей, увозили в неизвестном направлении, на их место приходили профаны, карьеристы, молодежь без опыта... Как бы цинично ни звучало, но для карьеры Павла было лучше, что отец погиб на «боевом посту», а не в застенках НКВД. Мать не тронули, в 40-м опять вышла замуж, переехала с новым избранником во Владивосток (он имел отношение к флоту). Письма оттуда шли по месяцу. Но он на мать не обижался – ей тоже от жизни досталось. «Ребенок» остался в Омске, но не задержался. Недолгая работа по специальности, переезд под Тулу на оборонное предприятие. И вдруг война, на которую он немедленно записался добровольцем, хотя имелась бронь. Подразделение истребителей танков, полковая разведка, ускоренные офицерские курсы в ближнем тылу. Фронт, Ржевская операция. Лето 43-го, формирование контрразведки Смерш для борьбы с немецкими диверсантами в тылу советских войск. Подмосковье, освобожденные Воронежская и Курская области. Ликвидация диверсионных групп и отрядов, которых абвер пачками забрасывал в наш тыл. Они минировали угольные шахты, дороги, железнодорожные ветки к линии фронта. Врагов уничтожали на месте, особенно если выяснялось, что это соотечественники. В 44-м освоил нюансы и тонкости радиоигры. Операция «Березина», блестяще проведенная советскими контрразведчиками, – он тоже принимал в ней участие. Грандиозная дезинформация врага, когда под видом агентов абвера, внедренных в советский тыл, действовали советские офицеры и перевербованные немецкие радисты. Информацию съедали, свято веря в ее правдивость. Расположение частей Красной армии, планы командования, грядущие направления главных ударов. Качественная «залипуха» о крупном соединении вермахта, чудом избежавшем разгрома и сидящем в белорусских болотах. Немецкое командование сбрасывало в указанные координаты боеприпасы, горючее, продовольствие, которые шли на нужды Красной армии. Немцы переправляли в болота своих лучших агентов, подрывников, радистов, офицеров связи, которых тут же прибирал Смерш, и все это благолепие продолжалось вплоть до мая 45-го, хотя уже и без участия Павла Вереста...

Пассажирский состав втягивался в горы. Он прилип к окну, не мог оторваться от красивых пейзажей. Здесь тоже шли бои, судя по внешнему виду населенных пунктов, но без особого упорства со стороны немцев, все силы они бросили на оборону Креслау, в который советские войска долбили почти три месяца. Недолгая остановка в Зальденбурге – уже Нижняя Силезия, исконно польская земля, которую немцы присоединили в Германии. Поезд

петлял среди скал, иногда вырывался на просторы, открывался вид на зеленые луга, небольшие скученные поселки. Множество речушек с переброшенными мостами красиво прорезали горные хребты. Большинство гор было покрыто лесом, чернели пещеры, грудились булыжники у подножий скал. Мимо проплыл старинный замок на вершине холма. Информацией по данному району Павел располагал, хотя никогда тут не был, шел с войсками севернее, в районе Дрездена и Шпемберга. Край, богатый на природные ископаемые, с развитой промышленностью. Испокон веков здесь соседствовали разные национальности: немцы, чехи, словаки, поляки. Но труд Адольфа Гитлера не прошел даром – к 45-му году Креслау, да фактически и вся Силезия, на 90 процентов стали немецкими. Зажиточный край, с небедным населением, а поляки и чехи лишь прислуживали немцам. Здесь имелось множество угольных шахт, когда-то работали золотые и серебряные рудники, от которых остались заброшенные выработки. Добывали каменный уголь, медную руду, цинк, олово. Владельцы шахт строили себе дворцы и замки, многие из которых еще сохранились и использовались. В их романтической атмосфере неоренессанса жили крупные немецкие чиновники, члены администратий, СС, партийные боссы. Когда приблизилась линия фронта, они увозили на запад свое добро, награбленные ценности, а здания иногда взрывали, иногда бросали целыми. Просачивалась информация, что в заброшенных шахтах немцы создавали секретные промышленные объекты, проводили тут какие-то испытания, осваивали новую технику. Все это держалось в секрете, многие районы считались закрытыми. Вполне возможно, что большинство этих историй были лишь красивыми легендами, а все остальное... Впрочем, Третий рейх умел хранить свои тайны.

В текущий исторический период промышленность Силезии находилась в упадке. Старая власть сдала позиции, новая еще не разгулялась. В районе, по которому пролегла железнодорожная ветка, Павел не видел никаких промышленных предприятий. Несколько мостов, пара тоннелей в толще скал. Ремонтная бригада на соседнем пути чинила насыпь. Пару раз мелькала автомобильная дорога, петляющая параллельно ветке между скалами...

В бывшую крепость Креслау, где шли упорные бои вплоть до 5 мая, поезд прибыл без приключений в два часа дня. Павел простился с попутчиками, спрыгнул на перрон. Фрайбургский вокзал представлял плачевное зрелище. В монументальном здании зияли дыры от попаданий бомб и артиллерийских снарядов. На руинах возились военнопленные, растаскивали завалы. Их «пасли» красноармейцы. В городе стояли части стрелковой дивизии армии Чудиновского. Он обратил внимание на обилие гражданских лиц. Мужчины, женщины, одетые довольно бедно. Снова множество патрулей. Бесконечные проверки документов, поспешное козыряние. «Виноваты, товарищ капитан, служба». Он медленно шел по немецкому городу, с любопытством глаза по сторонам. Мирная жизнь со скрипом налаживалась. Но, в отличие от Праги, город был разрушен процентов на семьдесят, даже в уцелевших домах зияли выбоины. Величественные кварталы с готической архитектурой лежали в руинах. 40-тысячный гарнизон держал оборону с середины января по начало мая. Почему так случилось? Загадка. Оборона Креслау не имела стратегического значения, основная масса войск его просто обогнула и покатила дальше на запад, а вот армия здесь увязла, как в болоте. Разрозненные отряды вермахта, вспомогательные части СС оборонялись с отчаянием обреченных. Еще до штурма гауляйтер Вольф Леманн отдал приказ: всем гражданским, помимо привлеченных к нуждам обороны, покинуть город. Зима выдалась, мягко говоря, не жаркая. Транспорт не предоставили. Колонны гражданских лиц, навьюченных скарбом, тянулись в западном направлении нескончаемым потоком. От холода гибли женщины, дети, их мертвые тела устилали обочины. Большинство из ушедших все равно оказались в зоне советской оккупации. Но, возможно, приказ имел смысл: по предварительным оценкам, во время штурма погибли больше ста тысяч гражданских. Сдаваться комендант гарнизона генерал Людвиг Майер не планировал. Больше месяца на подступах к Креслау шли затяжные

позиционные бои. Немцы отходили медленно, цепляясь на каждый клочок земли. Подкреплений не было, дрались тем, что имели. Гауляйтер Леманн не уставал издавать приказы и воззвания: «Нельзя терять твердости духа!», «Ты должен верить в будущее Германии!» Советская авиация сбрасывала листовки, в которых обещалось всех пощадить, но в данном случае фашистская пропаганда оказалась действеннее советской. Каждый немец в этом городе считал, что приход Советов – полный крах. Лишь в начале апреля удалось замкнуть кольцо вокруг города. Остался узкий воздушный мостик, по которому осажденный гарнизон связывался с Большой землей. Но вскоре и аэродром в Пандау оказался захвачен Красной армией. Немцы пошли на беспрецедентное решение – ликвидировали целую улицу в районе Хольстплац, чтобы устроить аэродром на освобожденных площадях. Но и эта взлетно-посадочная полоса просуществовала недолго. Артиллерия и авиация каждый день подвергали город изнуряющим бомбежкам. Подразделения армии пробивались в северные и западные кварталы, но дальше продвинуться не смогли. Фашисты стояли насмерть, превращая в крепость каждый дом. Лишь 5 мая, когда уже пал Берлин, комендант Людвиг Майер принял давно назревшее решение: прекратить сопротивление. Город наводнили белые флаги. На улицы врывались советские танки, шла пехота. Из укрытий выходили изможденные немецкие солдаты с поднятыми руками. Но не всем пришелся по душе приказ коменданта – еще неделю то здесь, то там вспыхивали очаги сопротивления...

Все это осталось в прошлом. Сейчас посреди развалин зеленели деревья. Целая людская армия трудилась на развалинах...

Павел шел по Альтенштрассе, тянущейся на восток от вокзала. Здесь встречались уцелевшие строения. Возможно, их осталось бы больше, если бы не пожары после бомбежек. Скорбно возвышался уцелевший в боях, но сгоревший после них величавый городской замок Фридриха Великого – утраченный шедевр готической архитектуры. Сгорел дотла и госпиталь «Во имя всех святых», обслуживавший раненых немецких солдат. Центром города являлась Рыночная площадь, основанная в XIII веке, на ней стояло мрачноватое здание ратуши, частично разрушенное, частично уцелевшее. Следом – несколько зданий в стиле барокко, кафедральный собор Святого Иоанна Крестителя со смотровой террасой на башне, от которой остался лишь небольшой «скворечник». Чудом уцелевшие Кирасирские казармы, здание интерната для слепых – явный памятник старины, который следовало бы охранять, а не бомбить. Кайзеровский мост, как ни странно, уцелел. Камень выдержал несколько взрывов, а выбоины уже заложили строители. Через мост проходила самая широкая и главная городская артерия. За мостом разрушений было меньше. Дома сохраняли готический колорит. Павел прошел городской парк, где поваленные деревья соседствовали с воронками от снарядов, свернул на боковую Вильмштрассе. Сгоревший немецкий «тигр», въехавший в фундамент монументального здания, еще не убрали. Его аккуратно огибали люди и редкие машины. Он одолел ворота газового завода, у которого стояли советские «полуторки», углубился в квартал. Здесь жили люди, работали магазины и даже кафе, видимо, для военнослужащих Красной армии. По брусчатке, пестрящей выбоинами, медленно двигались машины – немецкие «Мерседесы» и «Опели», советские «Эмки». Уши улавливали польскую речь. Она становилась преобладающей. Тоже ничего удивительного. Город когда-то назывался Кроцлав, и население в нем было польское. Как только гарнизон сложил оружие, сюда активно хлынули поляки – с Западной Украины, с территории бывшего генерал-губернаторства, стали насаждать собственные органы власти (на что советское командование пока смотрело снисходительно). Немецкое население планомерно выдавливали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.